

— Не реви, шумно.

Шуэль отчаянно сдерживал слёзы. Зачем он только вышел? Ведь отец столько раз его предупреждал, что на улице опасно.

И всё равно он скоро придёт, чтобы забрать меня.

Родители научили его тому, что необходимо сделать, если его поймает незнакомец.

Не пререкаться с незнакомцем; оставить что-то, что подскажет, где ты был; поскольку его тут же начнут искать не бояться, а просто ждать.

Шуэль верил и ждал, но родители так просто не появлялись. Его, словно багаж, поместили в какую-то повозку и перевезли.

Это было маленькое здание и в нем было полно детей возраста Шуэля.

Шуэль подумал, что теперь-то он в безопасности – это место походило на то, в котором он уже бывал.

Человек, который называл себя директором, заставлял Шуэля работать: стирка и уборка – то, что никогда раньше ему делать не приходилось.

Как бы он ни старался, из-за своей неумелости он снова и снова допускал ошибки, за которые его наказывали или запирали в комнате.

Но комнатой эту коморку можно было назвать только на словах, на самом деле размер её был

не больше платяного шкафа.

Из-за того, что Шуэля запирали в этой комнате, лишённой даже единственного луча света, он практически не переставал плакать.

В этой коморке он не мог не то что плакать, но даже дышать.

Воспоминания об этом были ещё очень живы.

Девочка, что спала сейчас на кровати, не была такой большой, как тот мужчина, но чем-то напоминала человека, что ударил его и спокойно лёг спать.

— Папа...

Сколько же раз он слышал о том, что не стоит выходить наружу. Шуэль снова и снова сожалел, что не послушался этих слов.

Слезы навернулись на глаза от мысли, что он теперь и не знает – сможет ли когда-нибудь снова увидеть маму и папу.

Шуэль плюхнулся на холодный пол и всхлипнул.

Он плакал некоторое время, пока до его ушей не долетел странный звук, будто урчало в животе.

Шуэль вздрогнул и подозрительно огляделся вокруг – никого не было.

Звук снова слышался в тишине и в животе что-то перевернулось.

Есть хочу...

Шмыгнув носом, Шуэль поднялся со своего места.

На самом деле, когда девочка принесла еду и сказала, что надо поесть, он чуть было не кинулся к тарелке, забыв себя. Он уже давно голодал и живот сильно болел.

Шуэль на цыпочках прокрался к столу и его глаза округлились ещё больше – на столе стоял суп и хлеб.

Шуэль, забыв об осторожности, начал поспешно заглатывать еду.

Еды было немного, и она быстро закончилась, зато это помогло утолить голод.

Пусть и немного, но на сытый желудок и настроение стало улучшаться.

С грустью глядя в пустую тарелку, Шуэль украдкой посматривал на спящую в кровати девочку.

Накормила.

И это было нормальной едой.

До этого момента никто не заботился тем, чтобы покормить его хорошо.

Когда казалось, что он вот-вот рухнет в обморок от голода, ему бросали миску плесневелого супа с корками хлеба.

И пусть порция, что дала эта девочка была крошечной, зато до слёз восхитительно вкусной.

И одно это снова поселило надежду, что она окажется хорошим человеком.

А ещё она сказала это перед тем как уснуть:

— Я отведу тебя домой.

Даже если она не знает, где дом Шуэля, но она говорила с такой уверенностью, будто знала, и поэтому хотелось ей верить.

И хотя внутри он изо всех сил взывал о помощи, из его рта не вырвалось ни единого звука.

Как она узнала и привела меня сюда?

Когда он так думал, его доверие начинало расти всё больше.

Ему было так страшно и его так трясло, что он только сейчас начал понимать, как удивительно и здорово, что он оказался в комнате, которая не двигается и где он мог нормально спать.

А ещё он вспомнил, что, когда девочка пыталась с ним заговорить, он не ответил ей ни слова.

Он не очень понимал, что ему говорят и не мог ответить, но она его не заставляла отвечать.

Очень плохой тон не отвечать приветствием на приветствие. Тем более нельзя так поступать с тем, кто тебе помог.

Завтра, как только проснусь, нужно обязательно поздороваться!

И с такими смелыми планами Шуэль присел на корточки в углу и уснул.

* * *

Меня разбудили белоснежные солнечные лучи. Я сморщилась и перевернулась на бок, потирая глаза.

Уф, и как утро может наступать так быстро...

Я всегда просыпаюсь в семь утра. Именно в это время мне полагалось вставать и приступать к повседневным обязанностям.

Я ещё раз потянулась и медленно открыла глаза.

— П-привет...

Её глаза встретились со светлым и пронизательным взглядом розовых глаз.